

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *К. Гусарева*

В оформлении обложки использована фотография:

© IvaFoto / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Данилова, Анна Васильевна.

Д18 Стану рыжей и мертвой, как ты : [роман] /
Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2020. —
320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны
Даниловой).

ISBN 978-5-04-109966-4

Следователь Дмитрий Дождев подбирает у своего подъезда девушку, которая называет себя Линой Круль. Лина рассказывает ему странную историю о том, что она приехала на похороны родственницы, но по дороге, в лесу, на нее напали и ограбили. Теперь она хочет, чтобы преступника наказали — в этом ей и должен помочь Дождев.

И хотя сначала Дмитрий, влюбившись в девушку, соглашается, после ее отъезда он начинает понимать, что вся ее история шита белыми нитками, а сама она — совсем не та, за кого себя выдает.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Текст. А. Дубчак, 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109966-4

...

Какое это счастье, что наши мысли никому не дано услышать или прочувствовать. Иначе как же стыдно было бы жить, зная, что ты — как на ладошке и о тебе всем все известно. Даже то, с каким удовольствием ты, пусть и мысленно, протреливаешь чью-то голову или вонзаешь нож по самую рукоять в сердце... Хотя нет, вряд ли это ощущение можно было бы назвать удовольствием. Нет, это просто наступивший в твоей душе (и такой долгожданный) покой. Вот как это можно назвать. Хотя, возможно, для этого чувства просто не придумали еще слова, настолько все это сложно и неоднозначно. Но все-таки чувство горькой радости — вот оно, и оно реально, переполняет меня, когда я вижу последствия своих действий... Главное — насытить эту жажду, утолить, освободиться наконец... Накормить этого пожирающего тебя изнутри зверя, имя которому — месть.

Когда же я стала убийцей? Помню ли я, когда меня охватило это сильное чувство — желание убить? Да, отлично помню. Мне не забыть его никогда. Помню этот момент буквально во всех подробностях. Солнце, теплая трава, птичий гомон, раздавленная земляника, прилипшая к подошвам, аромат этой мелкой, красной, зернистой переспевшей ягоды, разлитый над поляной...

1. Лина Круль

Вот почему все самые важные, судьбоносные решения мы принимаем в юности, когда действуем, подчиняясь скорее чувствам, чем разуму? И ведь от этих самых решений зависит ну просто вся жизнь! Причем совершая ошибки, мы первое время не хотим в них признаваться и ищем оправдание своим отчаянным поступкам, и даже подгоняем саму жизнь под них, а в результате расхлебываем сложившееся долгие годы. Но как горячи мы в своих суждениях, как непоколебимы в принятых решениях! Сейчас, оглядываясь назад, я спрашиваю себя, как бы я поступила теперь, когда голова моя холодная и мозг как будто бы стал старше и научился принимать правильные решения? Думаю, что я поступила бы так же, ну или почти так же, разве что поостереглась подпускать к себе очень близко людей, которых я включила в свой опасный план. В то время судьба этих людей волновала меня меньше всего. Они должны были сыграть роль инструментов в моем деле. И я старалась не думать о том, что они — живые существа, со своими чувствами, с сердцем, которое пока еще не утратило способности любить. Но, видит бог, я не желала им зла. Един-

ственное, что мне было от них нужно, — это помощь. И не так уж много усилий с их стороны было потрачено, чтобы я считала себя обязанной им. К тому же я думала тогда, что у каждой услуги есть своя цена, и я готова была заплатить за нее. Может, не сразу, но потом — уж точно. Я знала, что у меня все получится.

...Я вошла в супермаркет, и мне показалось, что все смотрят на меня, будто бы я голая. Хотя на мне были джинсы и мужская рубаша в клетку. Зубы мои стучали, несколько раз я даже прикусила язык. А внутри моего тела и вовсе все клочкотало, в животе бурлило, словно туда плеснули дрожжей. Это были разбушевавшиеся нервы. И больше всего я боялась, что в какой-то момент я не выдержу, сорвусь и если не умру прямо здесь, растянувшись на теплых по-летнему плитках пола, то взорвусь, как бомба.

Ноги сами привели меня в туалет. Выйдя из кабинки, я подошла к раковине и пустила горячую воду, выдавила себе в ладонь мыльную пену и принялась мыть руки. Словно дьявол нацепил мне на глаза очки с кроваво-красными стеклами — глядя на свои руки, я видела красную пену, а руки почему-то не отмывались и продолжали быть жирными и липкими от крови. Вот что такое воспаленный мозг! Откуда, спрашивается, взяться кровавой пеной, если руки я отмыла еще в роднике? Да и одежду, перепачканную кровью, я спрятала в кустах, да еще в таком месте, где ее точно никто и никогда не найдет.

Выйдя из туалета, я остановилась возле стенда с объявлениями и рекламой. Вот, к примеру, маленькая частная гостиница «Голубка». Это кто же придумал такое название для места, которое, скорее всего, представляет собой маленький бордельчик? А как еще можно назвать гостиницу, где комнаты сдаются по часам? Я сфотографировала объявление и быстро, чтобы не привлекать к себе внимания (мания преследования — страшная штука!), отправилась в глубь торгового зала. Я точно знала, что мне нужно. Сначала в металлическую тележку положила краску для волос, кое-что для гигиены, затем связку бананов и бутылку минеральной воды. Выйдя из супермаркета, я отошла в сторону и пересчитала деньги. Их оставалось не так уж и много, вернее, совсем мало. Но я была рада и этому, как и тому, что мне вообще удалось выручить в скупке за маленький перстенок и цепочку несколько тысяч рублей. «Когда-нибудь, — подумала я с каким-то веселым детским злорадством, — я приду в эту скупку и выскажу этому румянному старикану все, что я о нем думаю. Или просто разобью витрину его конторки бульжником. Так безжалостно обдирать граждан!»

Я позвонила в «Голубку», забронировала себе комнату на сутки и, поймав такси, отправилась туда.

Город был мне не знаком, я знала в нем всего лишь одну улицу и один дом. Расположенный на волжском берегу, он был зеленый и чистый,

в бульварах и цветниках. И если поначалу он показался мне приветливым и красивым, теперь же я воспринимала его как преддверие ада. Уже очень скоро, успокаивала я себя, я его покину. Но пока что мне предстояло выполнить часть моего плана. Если я сейчас совершу ошибку, испугаюсь и уеду, то не прощу себе этого никогда.

Гостиница «Голубка» располагалась почти в центре города, на тихой зеленой улице, засаженной старинными липами и тополями. Липы цвели и источали сладкий дурманящий аромат. Еще вчера, вспоминала я, заливаясь слезами, мы восхищались этим ароматом, радовались чудесной погоде, июньскому щедрому солнцу, сейчас же я, чуть живая от потрясений, входила в гостиничный номер, как сомнамбула — почти без чувств, лишь с пунктиром обязательств и действий в голове.

Я заперлась в номере и первое, что сделала, это достала из пакета краску для волос. Что-то подсказывало мне, что, несмотря на весь хаос в душе и голове, чисто внешне я должна была выглядеть так, словно у меня все в полном порядке. И если мои глаза горят безумием и зубы стучат от страха, я не должна подавать виду, что все так плохо.

Мои светлые волосы должны стать каштановыми, рыжеватыми. Быть может, изменив слегка свою внешность, я изменю и свою судьбу. Я уцепилась за эту придуманную кем-то формулу как за спасительную соломинку. Во что только не пове-

ришь, лишь бы добиться своей цели и главное — поверить в то, что ты все делаешь правильно.

В номере сильно запахло аммиаком, кожа на голове под краской зудела и чесалась. Особенно саднило в одном месте, на макушке. Слезы текли по моим щекам. Я сидела на диване перед включенным телевизором, ничего, однако, не воспринимая. Рядом лежал телефон, он заряжался. Еще несколько минут, и я погружусь в страну под названием Интернет, в которой буквально до сегодняшнего дня я жила, как турист, жадный до развлечений. Сейчас же он должен подсказать мне, к кому в этом городе я могу обратиться за помощью. Это должен быть мужчина, следовательно или опер, непременно молодой и неженатый. Мне предстояло надавить на его чувства и заставить хотя бы немного поработать.

Смыв ядовитую краску с волос и подсушив их феном, который нашла в шкафу, я посмотрела на себя в зеркало. Вот так. Пышное золотисто-каштановое каре, узкое бледное осунувшееся лицо с огромными темными глазами. Мне двадцать три года, меня зовут Лина Круль. И я должна найти в себе силы жить дальше. Не раствориться в обрушившемся на меня кошмаре, не потеряться, не свихнуться, а собраться и восстановить в этом мире хотя бы немного справедливости. Мне хотелось равновесия. Еще тогда я верила, что этот день когда-нибудь настанет.

В таких делах важен план. И я, погрузившись в Сеть, принялась изучать представителей право-

охранительных органов этого города. Но далеко не всегда в сетевое пространство помещают портреты следователей или оперов. Да, о некоторых писали статьи, у них брали интервью, но вот чтобы в «картинках» появилась галерея всех этих капитанов или майоров, такого не было. И уж точно не могу объяснить, почему мой выбор пал на следователя по фамилии Дождев. Тридцать пять лет, холост, майор. Будучи еще опером он раскрыл несколько громких убийств по области, был награжден, потом его ранили в бандитской перестрелке на каком-то Графском озере, после чего он долго восстанавливал свое здоровье, а заодно и завершил свое образование, получил диплом Академии права, где последние несколько лет учился заочно.

Читая интервью с ним, я подумала, что этот человек много страдал, а потому способен к сопереживанию, понимает чужую боль. Дмитрий Дождев. «Человек с таким именем и фамилией уж точно не мог быть грубым солдафоном», — решила я и принялась действовать. О том, чтобы прийти к нему официально, на прием, не могло быть и речи. Мне надо было раздобыть его домашний адрес. Но как, если я никого в этом городе не знаю? Спросить у его коллег? Тоже глупо, учитывая, что наша с ним встреча должна выглядеть случайной.

И тогда я вспомнила про интервью с Дождевым, еще раз его внимательно перечитала, после чего отправилась в редакцию местной газеты

«Волжский калейдоскоп», где встретила с автором этого интервью, журналистом по фамилии Гришин, и, придумав историю о какой-то важной записке, которую я должна передать следователю лично в руки, как-то совсем уж легко узнала его домашний адрес и телефон.

Зная о работе полицейских и следователей только по сериалам и никогда в жизни не сталкиваясь с представителями правоохранительных органов лично, я предполагала, что застану Дождева дома лишь поздно вечером. Но до вечера надо было еще дожить, как-то заполнить день и, главное, мозги. Я не железная, и если бы долго думала и вспоминала о том, что произошло, то, возможно, вообще не дожила бы до вечера. А потому надо было себя срочно чем-то занять. Пообедав в кафе в центре города грибной лапшой и творожной запеканкой, я отправилась в кинотеатр, на детский сеанс мультика про Гурвибека. Но сказать, что меня это как-то спасло, нельзя. Поэтому я, не дождавшись окончания сеанса, просто слонялась по улицам, пока не дошла до маленького местного пляжа, расположенного практически в центре города. Народу было мало, и хотя было тепло и светило солнце, вода, вероятно, была еще прохладной, поэтому все просто загорали, а детвора играла в волейбол.

Я чувствовала себя совершенно чужой, никому не нужной, а еще мне казалось, что все знают, что я великая лгунья и мошенница, а потому

пялятся на меня, бледную, одетую, не желающую раздеться, как это принято на пляже.

Время тянулось так медленно, что я ощущала его физически, и даже теплый воздух казался каким-то густым и тягучим. Еще немного, и все люди вокруг меня станут двигаться в замедленном темпе, если и вовсе не замрут в странных позах.

Полежав некоторое время на теплом песке, подложив под голову сумку, я не заметила, как заснула. И этот целительный сон просто спас меня в тот день, позволив набраться сил и скоротать время.

На такси я добралась до нужной мне улицы Бебеля и оставшееся время провела на скамейке перед домом, в котором жил следователь Дождев, обдумывая детали нашей с ним встречи.

Больше всего я боялась сорваться, проговориться, разрыдаться, наконец. И тогда все будет кончено.

Вдобавок ко всем моим тяжелым мыслям у меня сильно разболелась голова. Но сил, чтобы что-то предпринять, найти лекарство, чтобы боль утихла, у меня уже не осталось. День и так показался мне длинным, невозможно длинным.

Мимо меня ходили люди, кто-то выходил из подъезда дома, кто-то входил, я наблюдала за ними, и слезы душили меня. Они жили нормальной жизнью, у каждого были какие-то свои дела, хлопоты, радости. И только я балансировала между реальностью и приближающимся

безумием, не зная, как мне жить дальше. Сомнения охватили меня с новой силой, когда на город опустилась ночь. Что я здесь делаю? И где гарантия, что мой план сработает? А что, если Дождев вообще не заметит меня, сидящую на скамейке перед его домом, и просто пройдет мимо? У него и без меня есть о чем подумать, побеспокоиться. К тому же то, что он не женат, не означает, что у него нет девушки или невесты.

И когда рядом со мной, напротив крыльца на парковке остановилась машина и из нее вышел человек, очень похожий на Дождева, я уже находилась в таком состоянии, что мне проще было вообще заночевать на скамейке, отказавшись от своего плана, чем сыграть свою роль и познакомиться с ним.

Он на самом деле прошел мимо меня, усталю поднялся по ступенькам до двери подъезда, и я испытала скорее облегчение, чем разочарование. «Вот, собственно, и все», — подумала я. Это судьба. Значит, так оно все и должно было сложиться.

И вот когда я так подумала, мне в лицо хлынул теплый соленый воздух, словно кто-то мимо меня пронес чан с кипящей кровью... Да-да, я вдруг отчетливо почувствовала этот запах, и даже железистый привкус появился во рту. Потом кусок фиолетового ночного неба в обрамлении черных кудрявых контуров деревьев перевернулась, и я полетела в пропасть...

2. Дождь

Я даже сначала и не понял, что это девушка. Синие джинсы и клетчатая мужская рубашка — вот что я заметил, проходя мимо скамейки. Это мог быть подросток или парень, но не мужчина. Слишком хрупким был этот человек. Еще, двигаясь к крыльцу, я успел подумать о том, что он мне незнаком, потому что я знаю всех жителей нашего дома, да и соседей, и среди них никогда не видел никого в такой необычной длинной клетчатой рубашке. Вот такая странная мысль промелькнула, даже не странная, а какая-то не-серьезная. Хотя, скорее всего, это была просто интуиция. Да и при чем здесь вообще клетчатая рубашка? Мало ли кто из наших мог так выглядеть?

Я уже открыл дверь, чтобы войти в подъезд, как услышал звук, словно что-то упало позади меня. Я повернулся и увидел, что на земле рядом со скамейкой лежит девушка. Да, вот тогда, когда свет уличного фонаря осветил ее, я и увидел ее совершенно белое лицо и рыжеватые волосы. Через пару минут я уже вносил ее, находящуюся в беспамятстве, к себе домой. Девушка была легкая, и руки ее, и тонкая шея своей гуттаперчевостью делали ее похожей на большую тряпичную куклу. Поддерживая голову, я уложил ее на диван. Потом включил свет. У меня был тяжелый день, я был измотан и, возвращаясь домой, мечтал только об одном — поужинать и лечь спать.